

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В. Н. Первушина

Российский государственный университет правосудия

С. Н. Хуторной

*Воронежский государственный архитектурно-строительный
университет*

Поступила в редакцию 2 июня 2015 г.

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы функционирования социально-политических институтов в условиях формирования информационного общества. Раскрывается понятие «либертарианство», а наличие киберпространства как ведущего посредника глобальной коммуникации позволяет говорить о дигитальном либертарианизме. Приводятся примеры, базирующиеся на принципах доверия, духа общности, коллективных действиях и дигитальной коммуникации. Делается вывод о том, что наличие дигитальной связи позволяет людям не просто быть массой, а осознать себя связанным пространством и временем на основе сформированных единых интересов.

Ключевые слова: информационное общество, интернет-технологии, дигитальный либертарианизм, киберпространство.

Abstract: the article considers the questions of the functioning of socio-political institutions in the context of information society formation. The notion of “libertarianism” and the presence of cyberspace as the lead facilitator of global communication allowed to speak about the digital libertarianism. The examples given are based on the principles of trust, sense of community, collective action and digital communication. Concludes that the presence of a digital communication allows people not to be just a mass, but to realize itself bound by time and space based formed common interests.

Key words: the information society, internet-technology, digital libertarianism, cyberspace.

Переход от индустриального к постиндустриальному информационному обществу в условиях глобализации сформировал особое социокультурное пространство, для которого характерен ценностный политеизм, сочетающий фрагментацию интересов и ценностей, индивидуализм и комьюнитаризм (события с Charlie Hebdo тому свидетельство). Исходя из того, что любая операция над информацией называется информационным процессом, можно отметить, что любой такой процесс подразумевает несколько составляющих: 1) информацию, которую система воспринимает от окружающей (или использующей ее) среды, – входящую информацию; 2) систему; 3) выходящую информацию [1, с. 68].

Сложившееся на базе новых технологий сетевое общество привело к падению значимости любых видов власти и авторитетов. Все это способствовало трансформации социально-политических институтов в современном обществе.

Традиционные представления о демократии претерпевают изменения, произошедшие в процессе глобализации и дигитализации. Целью статьи является анализ функционирования социально-политических институтов в условиях формирования сетевого общества.

Известно, что в результате быстрого развертывания информационных технологий исследователей заинтересовала прежде всего проблема природы демократии в современных условиях: произошли ли какие-то изменения, и если «да», то в чем их сущность. В центре внимания – вопросы о влиянии киберпространства на демократические институты и процессы. Резонно возникает вопрос о фактическом направлении изменений, их сущности, интенсивности и глубине. И далее: каким образом природа электронной демократии как новой, компьютерно-опосредованной формы политической коммуникации влияет на политические процессы. Является ли система интерактивного взаимодействия государства и граждан в киберпространстве новой моделью государственного управления, определяющей специфику «электронного правительства» и преобразующей отношения граждан и властных структур.

В отечественной и зарубежной литературе признается, что киберпространство создает условия как для уникальных возможностей человека, так и для усиления негативных тенденций (например, тотального манипулирования массовым сознанием). В частности, некоторые исследователи считают, что в рамках киберпространства развивается так называемая символическая политика. Если рассматривать этот процесс со стороны избирателей, т.е. снизу, то получается символическое политическое участие – целенаправленное создание видимости политических действий. Эти действия создаются не организованным коллективом, а каждым в отдельности реципиентом социальной коммуникации. Речь идет, таким образом, о пассивном участии в политике, состоящем в наблюдении за происходящим при помощи СМИ. Сторонники этой точки зрения считают, что люди подчас не только вынуждены, но и сами хотят преимущественно символического (суррогатного) участия в политике, добровольно ограничиваясь лишь потреблением образов из политической сферы.

Кроме того, это символическое поведение приводит не только к симуляции политической ответственности, но порождает стремление превратить власть в политический сервис, а политическое участие – в форму развлечения, что создает перспективу поглощения киберпространства (вслед за радио и телевидением) транснациональной индустрией развлечений.

В зарубежной литературе близкую позицию занимают американские ученые К. Хилл и Дж. Хьюз, которые считают, что демократизирующее

влияние киберпространства в плане формирования более заинтересованной, политически более активной общественности существенно переоценивается. «...Интернет не меняет людей, он просто позволяет им делать то же самое по-другому...» [2, р. 157]. «Демократия в киберпространстве» (обсуждение политических проблем в интернете) не означает демократии в реальном мире. Активность и киберпространство часто «отгорожены от остальной жизни», а обсуждение политических дел в Интернете не всегда приводит к политической активности в реальной жизни.

Полна скепсиса и позиция американского исследователя Б. Бимбера. Он отмечает, что для развитых демократических стран многие показатели о взаимосвязи между информированностью и политической вовлеченностью за послевоенные десятилетия (период бурного развития и распространения электронных СМИ) имели тенденцию к снижению. «У нас пока нет никаких оснований отвергать положение, сформулированное С. Верба, о том, что в XX в. доступность политической информации не имела прямой связи с уровнем общественного участия в политике. Такова жестокая и разочаровывающая реальность для тех, кто ожидает возрождения общественного участия посредством увеличения доступа к информации» [3, р. 141].

Другой позиции в отечественной литературе придерживается А. Щадрин. Он полагает, что лучшие перспективы в России имеет использование интернет-технологий для дальнейшего расширения возможностей существующей системы представительной демократии и развития процессов так называемой «электронной демократизации». Ее основной смысл заключается в том, что использование интернет-технологий дает возможность расширить доступ избирателей и СМИ к законотворческой деятельности; снизить издержки по формированию ассоциаций и объединений избирателей; повысить эффективность обратных связей между избирателями и их представителями в законодательных органах власти.

Мы придерживаемся данной точки зрения и считаем, что киберпространство существенно повлияло на демократизацию общества, изменило соотношение в терминах «власть–народ», способствовало формированию гражданского общества, хотя и породило ряд новых явлений, неизвестных ранее (киберпреступления, киберунижения и т.п.). Вместе с тем новые информационные технологии способствовали формированию новых возможностей для беспрецедентного давления на власть. Формируется новая идеология (дигитальный либертарианизм), адекватная киберпространству, причудливо соединяющая в себе идеи анархизма и либертарианизма.

Формирование дигитального либертарианизма отражает тенденцию расширения пространства свободы в современной цивилизации. Само наличие киберпространства требует «безусловной суверенной свободы», связанной с личным выбором [4]. Вместе с тем неограниченные возможности пространства свободы, возможные в рамках киберпространства,

поставили вопрос о границах свободы, о свободе и ответственности. Трагические события с Charlie Hebdo еще раз обозначили актуальность осмысления свободы в киберпространстве.

Отметим, что конвергенция анархизма и либертарианизма актуализировала идеи антиэтатизма и неотчуждаемых прав человека на свободу, жизнь и собственность, сформулированные еще Дж. Локком. Однако эта либеральная аргументация доводится представителями либертарианизма до выводов, более жестко ограничивающих роль государства и защищающих свободу личности в большей степени, чем классический либерализм. Антиэтатистская составляющая сочетается с признанием идеи о добровольных сообществах как субстанции социальной организации и коммьюнитаристских ценностей (Р. Нозик, Н. Хомский, М. Ротбард). Кроме того, в онлайн-обществе артикулируется абсолютная свобода мысли, отождествляемая подчас с практикой либертинажа (вседозволенность и право оскорблять).

Анархо-либертарианское понимание свободы акцентирует внимание на некоторых вопросах: существует ли абсолютная свобода слова. И в этом плане – наличествуют ли запретные темы в киберпространстве, возможна ли свобода богохульствовать, издеваться и оскорблять. С философской точки зрения это артикуляция негативной свободы, осмысление которой была дана Августином Блаженным. Следует отметить, что тот смысл, вкладываемый Августином в понятие *Liberum arbitrium*, раскрывается в понятии «своеволие», чьи границы определяет сам субъект действия. Именно Августин разрешил парадокс Сократа о возможности принимать благо и все же творить зло. Если следовать логике развертывания негативной свободы, то *Liberum arbitrium* воспринимается как абсолютное своеволие, а индивидуальное право на выбор приобретает значение абсолютной ценности.

Выбор в пользу зла получает позитивное значение. Насколько это опасно в современной цивилизации с ее геополитическими противоречиями, кризисными ситуациями, показывают события последнего времени – межконфессиональные конфликты, грозящие перерасти в конфликт цивилизаций.

Вместе с тем следует отметить, что в целом анархо-либертарианская трактовка свободы ориентирует на целостное восприятие свободы. Эту целостность свободы в свое время отметил Ж. Батай, подчеркнув, что сущностью тотальности состояния человека является свобода [5, с. 19]. «Основой целостности человека выступает его страсть к идеалу, «чрезмерности», нервному зуду из-за стремления стать святым» [там же, с. 21]. В философии целостность свободы представлена в понятиях негативной и позитивной свободы. Кант дает обоснование позитивной свободе. У него свобода есть пропозиция, объективно и априорно выдвигающая волю. Философ определяет свободу метафеноменально (Я должен, значит, Я свободен).

Целостное восприятие свободы включает ответственность, внешние и внутренние ограничения, тем более что современная социальная жизнь

в глобализирующемся пространстве содержит новые формы социальности и политкультурного существования. Демократия информационного общества отличается от демократии периода индустриализма, ориентированного на стандартизованную нормативность и монолитное единство. Современная демократия включает единство двух процессов: осознание различных групповых интересов и признание культурной стратификации. Формируется ассоциативная демократия, соответствующая гетерогенному обществу с разными ценностными системами и социокультурными опытами, приводящими к детрадиционализации, снижению нормативной регуляции.

Киберпространство с его идеологией органично вписалось в современную культуру, выступив необходимым условием глобализации современной цивилизации, формирования прозрачности и открытости социальных отношений. Оно, как никогда в истории, поставило вопрос об отношении к государственной власти: право каждого влиять на решения власти через представителей, запросы, петиции и т.п., т.е. требовать обратной связи от властных структур. Еще у П. Кропоткина была подчеркнута необходимость договора с властью по поводу законов. Представителям общественности следует возвращаться не с готовыми законами «в кармане», с проектами соглашений, которые общество может принять или нет. Такое понимание соотношения власти и гражданского общества позволит осмыслить и активно противостоять конфликтам разного уровня и рода, а также пропаганде неудобной для власти идеи обеспечения взаимной ответственности, распространяя ее в пределах мировой цивилизации.

Все это манифестирует увеличение личной свободы и «ослабление силы государства» [6, с. 243], что, в конечном счете, приводит к дальнейшему развитию гражданского общества. Киберпространство, таким образом, модифицирует взаимодействие власти и общества, поскольку изменяет традиционные способы и методы получения информации; образует специфические модели коммуникации, выступает одним из основных факторов для активизации всех институтов гражданского общества, роста инициативы снизу. Однако самое главное – происходит десакрализация власти. Власть теряет «ореол святости». Открывается путь к публичности государственной политики, к диалогу и сотрудничеству власти и общества, прямой демократии.

Киберпространство содержит огромный делиберативный потенциал, который важно использовать в гуманистических целях для формирования межкультурного понимания в глобальном контексте, осознания значимости гражданских прав и ответственности, развития партисипаторной глобальной демократии в решении межкультурных конфликтов для того, чтобы не оправдались мрачные предсказания Хантингтона.

Наличие дигитальной связи позволяет людям не просто быть массой, а осознать себя связанными пространством и временем на основе сформированных единых интересов. Всеобщее киберпространство, используемое на разных уровнях: от публичных (правительственные и об-

пественные организации) до частных, – позволит соединить сельские и городские территории для обсуждения как региональных, так и глобальных проблем. По существу, это – первый шаг к созданию глобальной демократии.

Киберпространство – это новое место для новых социальных действий, требующих не только конкуренции, но сотрудничества и взаимопомощи. Все это приводит к выводу о том, что изменения в будущей жизни людей зависят только от их совместных действий. Это – требование и необходимость сегодняшнего времени.

Литература

1. Хуторной С. Киберпространство и реальный мир / С. Хуторной // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. – 2011. – № 2. – С. 67–71.
2. Kevin H. Cyberpolitics : Citizen Activism in the Age of the Internet / H. Kevin, H. John. – Oxford : Rowman and Littlefield Publishes Inc, 1998.
3. Bimber B. The Internet and Political Transformation : Populism, Community and Accelerated pluralism / B. Bimber. – Polity, 1998.
4. Гройс Б. Религия в эпоху дигитальной репродукции / Б. Гройс. – Режим доступа: // hip/gtmarket/laboratory/expeeritize/2009/2630
5. Батай Ж. О Ницше / Ж. Батай. – М. : Культурная революция, 2010. – 336 с.
6. Ладлоу П. Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / П. Ладлоу. – Екатеринбург : Ультра: Культура, 2005. – 600 с.

Российский государственный университет правосудия

Первушина В. Н., доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

*E-mail: VeraValen47@yandex.ru
Тел.: 8 (473)249-00-56, 8-960-109-94-02*

Russian State University of Justice

Pervushina V. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Humanities and Social-Economic Sciences Department

*E-mail: VeraValen47@yandex.ru
Tel.: 8(473)249-00-56, 8-960-109-94-02*

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Хуторной С. Н., кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии, социологии и истории

*E-mail: archanzas@bk.ru
Тел.: 8-952-542-28-38*

Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering

Khutornoy S. N., Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Philosophy, Sociology and History Department

*E-mail: archanzas@bk.ru
Tel.: 8-952-542-28-38*